

взаимоотношений государства и религиозных объединений, основанная на демократических принципах уважения прав и свобод человека, балансе общественных и религиозных интересов, отношениях сотрудничества и стремления к взаимопониманию. А конфессиональный фактор выступает как мобилизационная сила в политических процессах в Республике Казахстан.

1. *Национальная безопасность: итоги десятилетия. Астана: Елорда, 2001. – 463 с.*

2. *Нурсултан Назарбаев Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций. – Астана: ТОО АРКО, 2009. – 264 с.*

3. *Мухашов А.М. Тенденции и противоречия глобализации в поликонфессиональном регионе Центральной Азии // Глобализация и диалог конфессий в странах Центральной Азии: Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: Компьютерно-издательский центр Института философии и политологии МОН РК, 2002. – 304 с.*

4. *Цепкова И.В. Политика и религия. – Алматы: КАЗАТК, изд-во «Бастау», 2003. – 108 с.*

Түйін

Бұл мақала ҚР саяси үрдістердегі қозғаушы күш ретіндегі конфессионалды фактор проблемасына арналған.

Summary

Given article is dedicated to problem konfessionalinogo factor as mobilizacionnaya power in political process of Republik of Kazakhstan.

ШЫҒЫС ЕЛДЕРІ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА И ПОДХОДЫ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ К РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

М.А.Ауган –

*к.и.н., доцент кафедры Регионоведения и мировой экономики факультета
Международных отношений КазНУ им. аль-Фараби*

Известно, что Соединенные Штаты Америки внесли значительный вклад в формирование иранской ядерной программы. После провозглашения с трибуны ООН «идеи об использовании атома для мирных целей» президентом США Д.Эйзенхауэром в декабре 1953 г., ряд стран приступили к разработке национальных ядерных программ. В 1957 году Соединенные Штаты предоставили Ирану ядерные установки и оборудование, а также приступили к подготовке необходимых специалистов в рамках соглашения о мирном использовании ядерной энергии. Спустя десять лет на физическом факультете Тегеранского университета функционировал ядерный научно-исследовательский центр, в котором был построен исследовательский реактор мощностью 5 МВт.[1]

В 1968 г. Иран подписал ДНЯО, который был ратифицирован в 1970 г. С 15 мая 1974 г. по отношению Ирану вступило в силу Соглашение о гарантиях МАГАТЭ. При шахе Мохаммеде Реза Пехлеви придавалось большое значение развитию в стране ядерной энергетики и подготовке иранских специалистов в лучших зарубежных вузах. Помимо США в развитии ядерной программы Тегерана активное участие принимали ФРГ и Франция. Шах неоднократно подчеркивал: «Мы сохраним свою индивидуальность, персидскую философию и персидскую душу, с одной стороны, с другой, создадим современную, развитую в промышленном отношении страну с высокими моральными устоями».[2]

С 1973 г. в Иране началась реализация программы в рамках использования атомной энергии в мирных целях, в ходе которой предполагалось построить 23 АЭС. Иран приступил к широкомасштабным геологоразведочным работам по поиску месторождений урановой руды. Результатом стало открытие в 1985 г. крупного месторождения урановой руды в провинции Йезд, также уран был обнаружен в провинциях Исфahan, Азербайджан, Хорасан, Систан и Белуджистан. К разработке месторождений в разное время привлекались специалисты из Франции, ФРГ, Чехословакии, КНР и РФ, также предполагалось наладить производство ядерного топлива из выделенного урана.

По расчетам Ирана первые два энергоблока на АЭС в Бушере должны были быть запущены в 1980 и 1981 гг., а два других энергоблока в Ахвазе – в 1983 и 1984 гг. Намечалось, что к 1994 г. вся ядерная программа будет полностью реализована. Столь масштабные планы Ирана были прерваны исламской революцией 1979 г. После этого западные специалисты-ядерщики покинули страну. Иран остался с неразвитой ядерной инфраструктурой. Лишь в конце 1980-х годов руководство ИРИ приняло решение о возобновлении ядерной программы. В 1991 г. Иран предоставил МАГАТЭ инспектировать не только все свои объявленные в соответствии с положениями ДНЯО ядерные объекты, но также и любые другие предприятия, центры и лаборатории, на которые могут пасть подозрения в проведении незаявленной деятельности. В результате инспекции МАГАТЭ не выявил никаких нарушений, позволяющих трактовать развитие иранской ядерной энергетики как немирной.[3]

В декабре 2003 г. Иран подписал с МАГАТЭ Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с целью продемонстрировать мирную направленность и прозрачность своей ядерной программы. Правда, этот протокол до сих пор не ратифицирован межжлисом ИРИ.

Подозрения относительно иранских возможностей по обогащению урана методом центрифугирования вызвало сообщение о постройке первой очереди уранообогащительного завода в Натанзе, состоящей из 160 центрифуг, к 2005 г. планировалось сооружение каскада из 5000 центрифуг.

Когда иранцы в присутствии инспекторов МАГАТЭ демонстративно сняли пломбы на заводе по обогащению урана в Натанце и возобновили исследования в области ядерной энергетики, мировая общественность забеспокоилась. Вследствие уменьшения действенности решений, предпринимаемых ООН, был создан формат шестисторонних переговоров по ядерной программе Ирана с участием США, России, КНР, Франции, Великобритании и ФРГ.

Данная статья посвящена китайскому фактору в «ядерном досье» Тегерана и реакции стран Юго-Восточной Азии в контексте нераспространения ядерного оружия. В этой работе ядерная программа КНДР не рассматривается, поскольку является темой отдельного специального исследования.

Китайский фактор имеет немаловажное значение для международного положения Ирана, особенно в условиях нарастания давления со стороны США. Основой для стратегического сближения КНР и ИРИ является противодействие Соединенным Штатам. Иран заинтересован в Китае как геополитическом союзнике, экономическом партнере и поставщике стратегических технологий. Для Пекина Иран нужен в первую очередь как источник углеводородного сырья, а также как сильный антиамериканский форпост на границах с Центральной Азией, а в отдаленной перспективе – как важный элемент формирования Китаем стратегической дуги – СУАР, Центральная Азия, Средний Восток.

В силу особенностей исторического развития Китай и Иран всегда имели схожие позиции по различным международным и региональным вопросам. Изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии побуждает КНР и ИРИ к расширению политического и экономического сотрудничества. Укрепление связей между Пекином и Тегераном будет способствовать к появлению новых торговых путей, благодаря которым увеличится приток китайских товаров на европейские рынки.

Главным фактором расширения китайско-иранских связей стала обеспокоенность Пекина и Тегерана проводимой Соединенными Штатами политикой «односторонности». Как китайские, так и иранские политики выражают озабоченность возможным «окружением» их стран американскими силами, которые сегодня располагают базами в Ираке, Афганистане, Центральной Азии. Военные действия коалиции во главе с США по свержению иракского диктатора Саддама Хусейна вынудили Пекин и Тегеран начать переговоры, целью которых стало выработка общих подходов. Во время иракской войны высокопоставленные китайские и иранские представители поддерживали регулярные контакты.

Сегодня обе страны заявляют, что ООН должна играть более весомую роль в восстановлении Ирака. Иран привлекает Китай по двум причинам: Тегеран способен стать дипломатическим рычагом в геополитической игре на Ближнем Востоке и в Центральной Азии и важным источником энергоносителей для быстро развивающейся экономики Пекина, а также способствовать установлению нового маршрута для экспорта китайских товаров.

Значительный масштаб сотрудничества Китая с Ираном подтверждается участием десятков китайских компаний в самых различных проектах в ИРИ, в том числе в строительстве метро, железных дорог, создании телекоммуникационных сетей и разработке нефтегазовых месторождений. Расширение китайско-иранских связей может дать импульс установлению нового торгового пути, называемого

также «коридором Север-Юг», который соединит торговыми маршрутами Индию, Иран и Россию и составит конкуренцию Суэцкому каналу.

Важнейшим вопросом повестки дня ирано-китайских отношений является создание условий для всестороннего сотрудничества между Тегераном, Пекином, Москвой и Дели, считают некоторые круги в Тегеране. Китай признает право Ирана на мирное использование энергии атома и выступает против нагнетания некоторыми странами обстановки вокруг деятельности Ирана в этом направлении. В этом Пекин, скорее всего, солидарен с Москвой, которая как известно оказывает открытое сопротивление в Совбезе ООН давлению Запада по введению жестких санкций против ИРИ. Также не исключается усиление сотрудничества с Тегераном по линии ШОС, что проявляется в прямой заинтересованности Китая в присутствии Ирана в качестве полноправного участника.

В свою очередь Иран после подписания в 2004 г. долгосрочных контрактов по поставкам иранских углеводородов в Китай, нашел нового влиятельного союзника на международной арене. Контракты на поставку нефти и газа в Китай помешают усилиям США изолировать Иран. Китайская сторона приступит к разработке нефтяного месторождения Ядавара, построит завод по производству сжиженного газа стоимостью 1,5 млрд. долл. и мощностью 300 000-500 000 баррелей газового конденсата в сутки и обязуется закупать по 10 млн. тонн иранского сжиженного газа ежегодно. Наблюдается тенденция постоянного роста поставок нефти в Китай, так в 2003 г. Пекин импортировал 83,6 млн. т. нефти, а в 2004 г. – 100 млн. т. В последнее время Пекин удовлетворяет 13,6% своих потребностей в нефти и газе за счёт поставок из Ирана. Для Ирана КНР незаменимый политический партнёр, так как, будучи членом СБ ООН, достаточно долго противостоит принятию антииранских резолюций, выдвигаемых Вашингтоном.[4]

В целом Пекин занимает благожелательную позицию в отношении Тегерана и наверняка будет выступать против односторонней силовой акции США против ИРИ в случае обострения ситуации вокруг иранской ядерной программы, поскольку Иран превратился для КНР в важный элемент обеспечения энергетической безопасности. С другой стороны, имеются сомнения относительно роли Китая в американо-иранском противостоянии, так как у Пекина не достаточно реальных рычагов воздействия на политику США в странах Персидского залива.

На протяжении 1990-х годов одной из причин серьезной озабоченности США являлось сотрудничество Ирана и Китая в области атомной энергетики, которое, по мнению американцев, способствовало разработке в Иране ядерного оружия. Еще в сентябре 1992 г. в Пекине между ИРИ и КНР был подписан протокол о сотрудничестве в области атомной энергетики. В рамках соглашения Китай поставил в Ядерный исследовательский центр в Исфохане различное оборудование, установки для проведения комплексных научно-исследовательских работ. Однако наиболее значимым результатом сотрудничества явилось заключение соглашения о строительстве в ИРИ 2-х легко-водных реакторов. Тем не менее, их строительство так и не началось, поскольку США оказали сильный нажим на Китай, и Пекину пришлось отказаться от сделки. Прекращение сотрудничества Китая и Ирана в области атомной энергетики в 1990-е годы было вызвано (по официальной версии Пекина) расхождением в позициях по поводу стоимости проекта и места строительства АЭС. Запад и США подозревают Пекин также в поддержке иранской ракетной программы.

Так в 2004 году экспертам МАГАТЭ удалось установить «китайский след» в ливийской ядерной программе, среди документов добровольно сданных Триполи, выявлены чертежи, которые содержат комментарии на китайском языке. Скорее всего, они были переданы КНР Пакистану специально для продажи третьей стране. Результаты инспектирования ливийской ядерной программы подтвердили китайско-пакистанское секретное сотрудничество в сфере создания пакистанского ядерного оружия. Такие действия Пекина являются нарушением режима нераспространения. Разумеется, Китай опроверг обвинения, заявив, что решительно выступает против распространения оружия массового уничтожения. Представитель МИД КНР Чжан Циюэ проинформировала о принятых мерах, направленных на усиление контроля над экспортом оружия. Эксперты полагают, что аналогичные чертежи могли попасть в руки КНДР или Ирана.

Несмотря на попытки администрации Белого дома «откровенно поговорить об Иране» с руководителями России и КНР Владимиром Путиным и Ху Цзиньтао, прибывшими в Нью-Йорк на юбилейную 60-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН, при принятии Резолюции Совета управляющих МАГАТЭ 24 сентября 2005 года Россия при голосовании воздержалась, как и КНР.[5]

В момент кризиса иранской ядерной программы в 2006 году Китай поддержал российскую инициативу по созданию на территории России совместного предприятия по обогащению урана для иранской энергетики. Москва и Тегеран не исключали возможности подключения к этому проекту Китая. Российские инициативы не изменили подходов США, которые твердо убеждены, что Тегеран стремится заполучить ядерное оружие любой ценой. Вашингтон, оказывая давление на Китай и Россию, стремился передать «ядерное досье» Ирана в Совбез ООН, где США будет легче вести разговор о санкциях по отношению Тегерану.

Зная, что Китай крайне нуждается в поставках нефти и газа из Ирана для растущей экономики, первый замглавы Госдепа Роберт Зеллик в свою очередь напомнил, что нынешнее поведение Тегерана может привести к прекращению импорта энергоресурсов с Ближнего Востока. Поэтому Китай внимательно присматривался за тем, как поведет себя Россия во время заседания Совбеза: если Россия даст намек на то, что не использует в Совбезе права вето, то и Китай однозначно не будет протестовать против введения санкций.[6]

Во время визита в 2006 году в Пекин российский президент Владимир Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао заявили об общности позиций по иранской ядерной проблеме. Необходимо отметить, что Пекин и Москва ведут сложную дипломатическую игру, пытаясь в решающий момент не выглядеть в глазах США и Европы главным препятствием на пути принятия жестких мер против Ирана. Нежелание Москвы и Пекина вызывать недовольство США проявляется и на заседаниях ШОС, где участники организации предпринимают максимум усилий, чтобы тема иранской ядерной программы осталась за скобками саммита. При этом и Москва и Пекин выступают категорически против того, чтобы иранскую проблему решал СБ ООН, а не МАГАТЭ.

В последнее время позиции России и Китая по иранской ядерной проблеме становятся близкой с западными: ни Москва, ни Пекин не заинтересованы в жестких заявлениях со стороны Ахмадинежада.

Начиная с конца 2003 года в соответствии с резолюцией совета управляющих МАГАТЭ, иранское правительство не единожды брало на себя обязательства приостановить работы по обогащению урана. По завершении моратория на ядерные разработки Иран вновь заявлял о возобновлении ядерной деятельности. В декабре 2006, марте 2007 и марте 2008 года ООН трижды вводила против Ирана санкции ограниченного действия.

«Китай всегда полагал, что мирный путь урегулирования иранской ядерной проблемы через дипломатические переговоры является наилучшим выбором и отвечает интересам всех заинтересованных сторон», – так МИД КНР выразило позицию своей страны. Такая позиция Китая по иранской ядерной программе сильно затрудняет СБ ООН ввести жесткие экономические санкции против Ирана.

Осознание Пекином усиливающейся зависимости США от состояния быстро растущей экономики Китая, придает позиции КНР в иранской ядерной проблеме эгоцентричный характер. Китай открыто демонстрирует свое несогласие давлению США. Так в январе 2010 года, когда заканчивался поставленный президентом Бараком Обамой Ирану срок и Шестисторонняя группа собиралась ввести четвертый пакет санкций с целью принуждения Тегерана прекратить обогащение урана, Китай сорвал эту встречу, прислав китайского сотрудника ООН, который не обладал достаточными полномочиями.[7]

В режиме нераспространения у Китая своя особая позиция. С одной стороны, КНР продолжает развивать стратегические силы и планирует в перспективе приблизиться по потенциалу к США и России и лишь тогда, начать участие в процессе сокращения СНВ. Китай и Франция занимают близкую позицию по данному вопросу. С другой стороны КНР проявляет значительный интерес к сотрудничеству в рамках МАГАТЭ. Инициатива КНР по созданию специального комитета по демилитаризации космического пространства в рамках Конференции стран - участниц ДНЯО была поддержана многими странами.

В 2006 году в Комиссию ООН по разоружению Китай представил рабочий документ, где изложил свою позицию по проблеме нераспространения. Особый интерес вызывает пункт 2.2 этого документа, который расценивается специалистами как важнейший шаг на пути к полному запрещению и уничтожению ядерного оружия.[8]

В то же самое время Китай продолжает модернизировать ядерные стратегические силы и рассматривает их как фактор устрашения и сдерживания потенциального противника в оборонной

доктрине страны. Такая активность Китая в ядерной сфере, закрепление ядерного статуса КНДР, а также факторы, связанные с политикой США в регионе, вполне могут подтолкнуть Японию, Тайвань и Южную Корею, обладающих научными и финансовыми возможностями, к разработке собственного ядерного оружия.

Некоторые специалисты в области нераспространения ядерного оружия не исключают появления новых ядерных государств по «принципу домино». В этом отношении примеру Ирана могут последовать другие страны Юго-Западной Азии. В целом же есть основания полагать возможность перехода латентных государств, являющихся сегодня союзниками и клиентами Вашингтона, в разряд ядерных.

Значительное внимание должно уделяться урегулированию региональных конфликтов, предотвращению гонки обычных вооружений нового поколения в различных регионах мира, в первую очередь в Азии – на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Расположенные здесь средние государства, стремящиеся к региональному господству, представляют угрозу территориальной целостности и даже самому существованию более слабых соседей, что может стать причиной локальной гонки ядерных вооружений.

Менее вероятным выглядит такое развитие событий в Юго-Восточной Азии. Страны ЮВА не могли не реагировать на существенные сдвиги в международной структуре, происходившие на рубеже 60-70-х годов XX в. Ответом на изменения со стороны государств стало принятие ими принципов малайзийской концепции нейтрализации Юго-Восточной Азии. В период присоединения Куала-Лумпура к договору о коллективной обороне с участием Англии, Австралии, Новой Зеландии и Сингапура в стране развернулась дискуссия о целесообразности такого курса и многие политические деятели были едины в том, что ни какие военные пакты не решат проблем безопасности ни Малайзии, ни Юго-Восточной Азии. В сентябре 1970 года на конференции неприсоединившихся государств в Замбии премьер-министр Малайзии Абдул Разак впервые озвучил идеи концепции нейтрализации Юго-Восточной Азии как официальной политики малайзийского государства.

Концепция нейтрализации Юго-Восточной Азии была поддержана странами региона и 28 ноября 1971 года они подписали в Куала-Лумпуре декларацию, призывающую к созданию в регионе «зоны мира, свободы, и нейтралитета, свободной от любых форм вмешательства внешних держав».[9]

В рамках реализации концепции создания зоны мира, свободы и нейтралитета (ZOPFAN) страны ЮВА приступили к урегулированию внутрирегиональных противоречий и конфликтов и выработали общую позицию к проблеме иностранного военного присутствия в регионе и взаимоотношений с соседями.

Новой тенденцией режима нераспространения в 1970 - 1990-х стало возникновение ряда безъядерных зон, установленных международными договорами.

Четвертая встреча АСЕАН на высшем уровне в 1992 году в Сингапуре подтвердила стремление АСЕАН превратить регион в зону мира, свободы и нейтралитета (ZOPFAN) и объявить Юго-Восточную Азию безъядерной зоной (SEANWFZ).

Подписанный 10 странами региона Банкогский договор 1995 года, предусматривал создание зоны свободной от ядерного оружия в Южной Азии. Характерной особенностью ЗСЯО являются равные для всех участников договора права в ядерной области, поскольку всеобъемлющее международное соглашение о ядерном нераспространении не заключено.

Провозглашение Юго-Восточной Азии зоной свободной от ядерного оружия предполагает отказ от разработки, производства, приобретения, обладания и осуществления контроля над ядерным оружием; размещения и перевозки ядерного оружия любыми средствами, и испытания и применения ядерного оружия.

Договор также запрещает захоронение радиоактивных отходов и материалов в странах региона и требует, чтобы ядерные объекты всех государств – участников находились под полным контролем МАГАТЭ. Каждое государство индивидуально принимает решение о транзите через свое воздушное пространство иностранных самолетов и нахождении в территориальных водах иностранных судов, которые могут перевозить ядерное оружие.

Пять держав, обладающих ядерным оружием (Великобритания, Китай, Франция, Россия и Соединенные Штаты Америки) должны гарантировать «не использовать и не угрожать применением ядерного оружия против любого государства-участника Договора». В настоящее время эта зона по ряду причин (несогласованность положений Договора с Конвенцией ООН по морскому праву от 1982

года, где провозглашен принцип свободы судоходства; юридически обязывающий характер безопасности гарантируемых державами; возможность захода морских кораблей с ядерным оружием на борту и процессуальные права участников) пока не признана ядерными державами.

Юго-Восточная Азия стала пятым регионом, объявленным зоной свободной от ядерного оружия. Помимо ЮВА зоны свободные от ядерного оружия стали формироваться в Латинской Америке, в южной части Тихого океана, в Африке, и Антарктиде.

В отношении к иранской ядерной программе страны ЮВА руководствуются положениями Договора о ЗСЯО и надеются, что Иран будет использовать атомную энергию в мирных целях.

В то же время весь комплекс мер по сохранению режима нераспространения, как показывает практика, свелся лишь к проблемам так называемых государств-изгоев, КНДР и Ирана и международного ядерного терроризма. США в своей внешнеполитической деятельности, как это было в Ираке и ныне Иране, подрывают авторитет международных контролирующих органов, прежде всего МАГАТЭ. Ядерным державам необходимо осознать, что реализация режима нераспространения ядерного оружия требует коренного изменения принципов взаимоотношений как между собой, так и с «неядерными» государствами. Неядерные государства надеются, что США, КНР и некоторые ядерные державы последуют примеру Франции, Великобритании, России и подпишут и ратифицируют Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Основные принципы режима нераспространения доказали свою жизнеспособность, прошли испытание временем и должны быть сохранены, подходы КНР и ЮВА к иранской ядерной программе тому яркое подтверждение.

Түйін

Бұл мақала ядролық қаруды таратпаудағы Шығыс Азия елдерінің тұрғысына арналған. ҚХР және Оңтүстік-Шығыс Азия елдерінің ядролық қаруды таратпаудағы тұрғысы Иранның ядролық бағдарламасына байланысты қарастырылған.

Summary

The research is dedicated to East Asia's approach to preventing the further spread of nuclear weapons. The position of China and Southeast Asia to the problem of the non-proliferation nuclear weapons is studied their attitude to Iran's nuclear program.

1. *Задонский С. М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения.- М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.*
2. *Особая папка Леонида Млечина // Вечерняя Москва. – 2006. - 31 января.- № 16.*
3. *Ромашкина Н. Иранский атомный узел // Азия и Африка сегодня. - 2006. - № 8.- Август.- С. 40-47.*
4. *Братерский М.В. Вашингтон и новые региональные державы Азии. // США - Канада. Экономика, политика, культура.- 2007.- №3.- С. 39-58.*
5. *Наумкин В. Ядерные амбиции Тегерана: миф и реальность // Труд. – 2005. – 12 октября.*
6. *Самохоткин А. Китайская предосторожность // Время новостей . -2006.- № 13.- 27 января. - С. 5.*
7. *Beijing blocks talks on tackling Iran nuclear threat // The Times on 18.01.2010*
8. *Иванов П. Режим нераспространения ядерного оружия: история вопроса // Свободная мысль.-2007.- № 8.-С. 77-92.*
9. *Сулицкая Т.И. Страны АСЕАН и международные отношения в Юго-Восточной Азии.- М.: Наука, 1985.-С. 39.*